

Теория и методология исследований российско-китайских отношений
俄中国关系研究的理论与方法
Theory and Methodology of Russian-Chinese Relations Research

УДК 327(470+510)

Россия и Китай: историческое прошлое, современность и перспективы отношений (Семь особенностей и семь моделей отношений России с Китаем)

В.С. Мясников

Российская академия наук,
Москва, Российская Федерация

Дата поступления:

03.03.2017

Дата принятия к печати:

17.04.2017

俄中国关系的历史、现在和未来
(俄中关系的七个特点和七个模式)

Myasnikov V.S.

俄罗斯科学院
莫斯科, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2017年3月3日

出版日期: 2017年4月17日

Аннотация. 1 сентября 2018 года в России и в Китае будет отмечаться 400-летие установления их взаимоотношений. Масштабы двух стран таковы, что их развитие и модели внешнеполитического поведения влияют на всемирно-исторический процесс. В свою очередь и рассмотрение крупных перемен, происходящих в демократической России и новом Китае, невозможно без достаточно четкого осознания того, каковы перспективы реального взаимодействия восточноазиатского цивилизационного комплекса с евразийским. Это особенно важно, если мы хотим сколько-нибудь понять долгосрочные перспективы тех внешнеполитических процессов, истоки которых только начинают обозначаться в наши дни. За достаточно длительный исторический период российско-китайских связей вполне четко выявились присущие им особенности, сменились несколько моделей отношений двух государств.

В статье рассматривается последовательная смена шести моделей отношений России с Китаем и формирование седьмой, наиболее перспективной, модели, которая должна обеспечить конструктивное партнерство и стратегическое взаимодействие двух держав в XXI столетии.

Ключевые слова. Российско-китайские отношения, политические культуры, дипломатия, исторические модели взаимоотношений России и Китая, договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

摘要: 2018年9月1日将是俄中两国确立关系400周年纪念日。同作为世界上的大国,他们的发展和外交政策影响着世界历史进程。同样的,要研究在民主国家俄罗斯和现代中国也发生的巨大的变化,我们就需要清晰的认识到东西方文明交织、碰撞的现实状况。非常重要的一点是,我们必须立足当下,来预测未来的外交形势。在俄中关系漫长的发展时期里可以看到,俄中两国的国家命运是紧密相连的,同时两国间的政治博弈也是不断的。

文章依次描述了俄中关系发展的前六个模式和已形成的第七个最有前景的合作模式--这个在二十一世纪保证了两个大国成为互惠互助的战略伙伴。

关键词：俄罗斯-中国关系，政治文化，外交，俄罗斯和中国关系之间的历史模式，俄罗斯联邦和中华人民共和国之间的睦邻友好和合作条约。

Russia and China: the Historical Past, the Present and Prospects of Relations (Seven Features and Seven Models of the Russian-Chinese Relations)

Myasnikov V.S.

Russian Academy of Sciences,
Moscow, the Russian Federation

Received: March 03 2017

Accepted: April 17 2017

Abstract. September 1, 2018 marks the 400th anniversary of the Russian-Chinese relations establishment. The greatness of two countries determines their development and models of foreign policy behavior which influence historical processes in the world. In turn, consideration of major changes taking place in democratic Russia and new China is impossible without a sufficiently clear understanding of East Asian and Eurasian civilizational complex in-teraction prospects. This is especially important if we want to realize long-term prospects of those foreign policy processes which are originating nowadays. During the rather long historical period of Russian-Chinese relations, the features of their relations became more clear. There were several models of relations between two states during this period. The article analyzes successive change of 6 Russian-Chinese relations models and the formation of the seventh one – the most promising model which is believed to ensure constructive partnership and strategic interaction of two powers in the 21st century.

Keywords. Russian-Chinese relations, political cultures, diplomacy, historical models of Russian-Chinese relations, Treaty on good-neighborliness, friendship and cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China.

Учитывать опыт истории

В ходе истории связей России с Китаем на огромном не только временном, но и пространственном отрезке (от Тихого океана до Памира), происходило взаимодействие двух мощных мировых цивилизаций, до определенного момента на протяжении тысячелетий развивавшихся практически независимо. Лишь на рубеже XVI–XVII веков было положено начало взаимообусловленности их исторического существования. Взаимная связь и взаимная обусловленность развития двух цивилизаций, определенная модификация взаимодействующих объектов характеризует историю их отношений.

В настоящее время степень разработанности источников по истории отношений России с Китаем, освещение узловых проблем в монографиях достигли такого уровня, когда становится возможным осмысление процесса в целом, рассмотрение его не только как части общей истории международных отношений, но и как существенного компонента всемирно-исторического процесса межцивилизационной конвергенции. «Недооценка цивилизационного фактора во внутренней и внешней политике, хотя бы на примере ислама, уже нанесла России непоправимый урон», — отмечает крупнейший современный исследователь конфуцианского культурного ареала д.и.н. Л. С. Переломов. Развивая эту мысль, Л. С. Переломов призывает учи-

тивать «возрастающую роль цивилизационного фактора, когда конфуцианство действительно становится материальной силой, которую Россия не может не учитывать» [1, с. 8–9].

Поэтому предметом нашего рассмотрения наряду с современными реалиями должны стать и проявления тех традиционных норм во внешней политике России и Китая, которые, представляя собой отражение и продолжение межцивилизационных контактов, будут определять характер их взаимодействия на международной арене не только в конце XX века, но и на протяжении XXI столетия.

Специфика становления отношений России с Китаем

Упомянутые особенности можно разделить на две группы: первая включает в себя специфические черты, возникшие в связи с географическим положением двух государств; вторая — с этно-культурными различиями русского и китайского народов.

К первой группе относятся:

1. Существование в момент установления связей двух государств (1618 г.) пролежавшей между ними обширной (от нескольких сот до нескольких тысяч километров шириной и многие тысячи километров протяженностью) территории, которая стала контактной зоной двух цивилизаций.

2. В ходе территориального расширения обоих государств контактная зона постепенно поглощалась ими, что привело к формированию общей границы России с Китаем, которая в отличие от большинства государственных границ сложилась не в результате войн, а благодаря дипломатическим усилиям сторон.

3. Обитание в контактной зоне различных по своим этническим характеристикам народов, находившихся на стадии разложения общинно-родового строя (Южная Сибирь, Забайкалье, Северная Маньчжурия, Приамурье и Приморье) или на различных стадиях развития кочевого феодализма (Халха-Монголия, Джунгарское ханство, казахские ханства), имевших длительный опыт сношений с Китаем и выполнявших благодаря своему положению функцию медиаторов. Монголы, маньчжуры, уйгуры, казахи, киргизы, малые народы, населяющие берега Амура и Приморье были вовлечены в процесс становления отношений России с Китаем. Затем в ходе формирования многонациональных империй — Российской и Цинской — были включены в их состав. То, что Русское государство первоначаль-

но вступило в контакты с народами этой зоны, давало ему не только опыт общения с ними, но и помогало адаптировать их опыт связей с Китаем. Особенно большую роль сыграли связи Русского государства с ханствами Западной и Северной Монголии. Здесь черпались первые сведения о «Китайском царстве», здесь русские получали разрешение на проезд в Китай и, наконец, монгольский язык был длительное время средством дипломатического общения. Имевшая, таким образом, место кумуляция опыта облегчила русским восприятие реалий китайской цивилизации.

4. На весь ход внутренней и внешней политики Китая длительное время (1644–1911) накладывало отпечаток то, что Китай оказался под правлением завоевателей-маньчжуров.

Вторая группа включает в себя:

5. Различие в системах ценностных ориентиров двух цивилизаций. Исследователями отмечается существенное различие ценностных приоритетов во внешней политике России и Китая. Китай во главу угла ставил политические интересы, Россия стремилась обеспечить устойчивые экономические связи с Цинской империей. Но в этой сфере действовали специфические факторы межцивилизационного контакта. В цинском Китае сложился арендно-бюрократический вариант феодализма, при котором эксплуатация крестьян велась как посредством аренды, так и путем взыскания с них фискально-бюрократическими методами ренты налога в пользу государства. Внешнеэкономические связи этой системы были весьма своеобразны, они рассматривались как милость для сопредельных народов, как форма, в которой они могли получать дары китайской цивилизации. «Чужеземные варвары испытывают чувство благодарности за высочайшую гуманность, дозволяющую им получать выгоду от торговли без ущемления в правах по сравнению с людьми из внутренних земель (т. е. Внутреннего, Застенного Китая — В. М.)», — докладывал императору Главный управляющий морской таможни провинции Гуандун в декабре 1805 г. в связи с прибытием в Гуанчжоу русских кораблей «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского [2, с. 152]. Заинтересованность самой же цивилизации в товарном обмене практически отсутствовала. Торговля считалась «низким» делом. Поэтому сложилась система рынков на границах империи, где разрешалась торговля с «варварами», а также допускалось прибытие торговых караванов в Пекин, как правило, они сопровож-

ждали посольства. Численность персонала этих караванов была установлена в 200 человек. Цинское правительство не разрешало купцам своей страны покидать пределы империи.

Вместе с тем торговля была эффективным орудием китайского двора в контактах с иностранцами, так как позволяла имперской элите «руководить» «варварами», играя на их стремлении к получению прибыли. Крупный сановник Ци Ин докладывал императору Даогуану (1821–1850): «Торговля жизненно необходима для иностранных государств. Поэтому искусство императорского двора при осуществлении руководства, направленного на сдерживание этих государств, состоит в том, чтобы ко всему относиться беспристрастно и, не применяя жестоких мер, сохранять основные принципы, насколько это возможно» [3, с. 51].

Все эти узаконения и подходы распространялись и на русско-китайские отношения. Цинское правительство умело эксплуатировало заинтересованность русской стороны в торгово-экономических связях. Добиваясь политических целей, оно вводило запреты на торговлю с Россией. Например, в XVIII веке такие перерывы, длившиеся иногда по многу лет, повторялись одиннадцать раз. В экономической, как и в политической области, таким образом, русская сторона постоянно находилась в положении преодолевающей препятствия.

6. Различия в концепциях внешних связей. Политическая культура России основывалась на нормах христианской морали и европейской традиции, предполагавшей равенство всех суверенных государств. Европейская, в том числе и русская, политическая традиция стремилась строить, главным образом, горизонтальные связи между равными государствами. В XVII–XIX вв. Россия и Китай были вполне сопоставимыми по основным политическим, экономическим и культурным параметрам феодальными державами. Поэтому их взаимодействие в политической области с русской стороны рассматривалось как контакт равных субъектов международных отношений, т. е. по горизонтали [4].

В основе политической культуры Китая лежали конфуцианские принципы политической иерархии и китаецентристские представления об окружающем мире. Китайская политическая культура практически исключала равенство в отношениях Китая с любой страной мира. Китай стремился выстроить все свои международные связи по вертикали — от высшего к низшему [5].

Таким образом, при установлении отношений двух стран естественно сложилась своеобразная система координат, в которой горизонтальную линию образовывали европейские традиции и методы, а вертикальную — китайские. В результате взаимодействие сторон формировалось как вектор развития, третья линия, вобравшая в себя элементы того и другого подхода.

Но эта векторная линия складывалась и под влиянием третьей силы, ибо взаимодействие России с Китаем на протяжении длительного периода осуществлялось при активном участии народов-медиаторов. К этому следует добавить и тот факт, что Русское государство накопило к XVII веку длительный опыт общения с мусульманским миром. В отношении Китая русские дипломаты первоначально пытались использовать готовые стереотипы, взятые из арсенала посольских контактов с Ираном и Индией.

Что касается Китая, то его опыт сношений с народами северо-востока, севера и северо-запада, определял его подход к русским, адекватный подходу ко всем иным народам этого региона. На этот подход повлияло и то, что первые встречи с русскими имели место именно в контактной зоне. Лишь после целого столетия взаимосвязей этот подход несколько модифицировался. Изучение истории русско-китайских контактов как части общего процесса становления всемирной системы международных отношений, ставит проблему выявления типологии взаимосвязей России с Китаем. Этнокультурные традиции, во многом определяющие политическую культуру общества, воздействуют на внешнеполитический процесс на всех уровнях. Как свидетельствует исторический материал, связи государств, относящихся к общей цивилизации, например, европейской, имеют существенные различия по сравнению с контактами государств, развивавшихся в разных цивилизациях. Поэтому, без применения методов, выработанных сравнительным культуроведением, и огромного материала, накопленного этой отраслью исторического знания, в настоящее время вряд ли возможно рассматривать любой смешанный тип международных связей.

7. Различия в политических культурах, определившее своеобразие дипломатических школ.

Мы уже упоминали, что китаецентристская модель мира в международных отношениях Китая преломлялась в вертикальную структуру связей. Практически это сводилось к стремлению придать всем государствам, вступавшим в контакты с Китаем, статус вассалов империи. Свое-

образная данническая система действовала на протяжении тысячелетий, имела особые хорошо разработанные институты и, практически, не знала исключений. Ведение связей «на равных» представляло редкие эпизоды в многовековой истории [6].

Россия не стала исключением. С первого же момента русской стороне было предложено «вносить дань» и признать верховенство китайского императора над «чахан-ханом» — «белым ханом», как именовали в Пекине русских царей. Имперская внешняя политика была нацелена на «приобщение варваров» к китайской цивилизации. Этому служили такие атрибуты даннической системы как инвеститура, принятие китайского календаря и целый ряд других мер по привлечению «варваров» на сторону империи. Весьма эффективной считалась разработанная еще ханьским мыслителем Цзя И теория «гуманного» обращения «варваров» в «цивилизованных» и лояльных империи соседей. Она была сформулирована как «сань бяо у эр» — «три нормы и пять прельщений» [5, р. 28].

Согласно этой теории император должен был поддерживать доверие «варварских» правителей дружественными словами, внушать им убеждение, что он действительно любит их «варварские» лица и восхищается «варварской» культурой. Пять «прельщений» предполагали одаривание «варваров» одеждой и обеспечение доставки их послов на территорию империи; снабжение хорошей пищей, организацию специальных представлений с музыкой, танцами, женским вниманием; предоставление им жилых зданий и провианта в столице империи; оказание им всяческих знаков императорского расположения и личного внимания, с тем, чтобы, воздействуя на их чувства, победить их сердца.

Эта система «гуманного обращения» не исключала и активное применение силы, а также стратеминой дипломатии, нацеленной на то, чтобы не допустить политического усиления соседних государств, разрушать их возможные союзы и предотвращать тем самым их вторжения на имперскую территорию.

Россия как партнер Китая по международным отношениям, столкнулась со всеми упомянутыми формами воздействия на нее китайской цивилизации и представлявшего ее государства — империи Цин. Русская дипломатия категорически отвергла попытки навязать России статус «вассала» империи Цин. Лишь после визитов цинских посольств в Россию в XVIII столе-

тии, в Пекине осознали параметры и реальную мощь соседнего государства. В дальнейшем на взаимоотношениях двух стран сказывалась неравномерность их экономического и политического развития. Именно она и определяла различные модели отношений.

Проблема неравномерности развития различных государств существовала на всех этапах истории. Для России в ее отношениях с Азией она встала в XIII веке, в период первого широкомасштабного столкновения образовавшихся из Киевской Руси княжеств с мощью азиатского кочевого мира. Победа была на стороне кочевников. Высокоразвитая, но разобщенная политически Русь пала. Дальнейшее формирование ее самобытной культуры было насильственно заторможено и деформировано за счет интрузирования в нее азиатского компонента. Так и началось российское евразийство.

Стратегия самосохранения и самоусиления, принятая русской правящей элитой в те годы, привела к тому, что в XIV веке Русь консолидируется и выходит на европейскую международную арену в качестве равного партнера. Русское государство вступив в XVII столетии в дипломатические связи с великими государствами Азии — Турцией, Ираном, Индией, Китаем — боролось за равенство в дипломатических контактах с ними. Идея такого равенства была основана не только на христианской морали, но и на реальном соотношении сил, в первую очередь тех сил, которые и до сих пор определяют комплексную мощь государства: экономическое развитие, научные знания, единство нации, искусная дипломатия.

Взбодренная реформами Петра Великого Россия делает цивилизационный рывок и, опираясь на европейский технологический и государственный опыт, обгоняет своих азиатских партнеров. Тем не менее стратегия национального развития не включала приоритеты становления демократических институтов и рыночного капиталистического хозяйства, как это было в Англии или Голландии. Затянувшаяся опора абсолютистской монархии на дворянство, сохранение крепостного права и прочие атрибуты феодализма тормозили развитие России. Специфика внутреннего развития каждой из стран воздействовала на их взаимосвязи, формируя те или иные модели отношений.

Смена моделей в ходе развития отношений

Первая модель охватывает период от начала XVII столетия до середины XIX века. Типоло-

гически она может быть классифицирована как смешанная модель, когда при сходстве социально-экономических параметров двух государств, цивилизационные различия оказывали существенное влияние на характер их отношений. Поэтому один из партнеров рассматривал себя как сюзерена (Китай), а другой стремился избежать положения вассала (Россия). В этот период имели место многочисленные столкновения интересов двух стран и обострения отношений между ними. Но стремление к добрососедству являлось главным императивом и обеспечивало возможность дипломатического урегулирования всех спорных вопросов.

К моменту установления связей с Русским государством Китай был мощной феодальной империей, доминировавшей на огромных просторах Восточной Азии. Тысячелетняя культурная традиция сформировала этнос достаточно устойчивый по отношению к внешним воздействиям, будь то завоевания, культурные или религиозные вторжения, миграционные волны. В середине XVII в. Китай был захвачен завоевателями маньчжурами, создавшими на его основе мощную многонациональную азиатскую деспотию — империю Цин. Маньчжурские правители Китая строили международные связи своей державы на основе идеологических постулатов и практических методов, выработанных китайской цивилизацией в ходе взаимоотношений с «варварами» 4-х сторон света, как в Китае именovali чужеземцев [7].

Стремясь установить и развивать добрососедские отношения с империей Цин, Россия на протяжении двух с половиной столетий (до середины XIX в.) направила в Китай свыше 18 дипломатических миссий различных уровней — от дипломатических агентов до великих и полномочных послов в ранге министра. Из этих дипломатических контактов лишь один принес несомненный успех русской стороне, это — посольство С. Л. Владиславича [8], заключившего в 1727 г. Кяхтинский трактат. Подписанный же за тридцать лет до этого Нерчинский договор, наоборот, был крупным поражением России на Дальнем Востоке, так как лишил ее значительных территорий в Приамурье и, фактически, блокировал широкий выход к Тихому океану. «Нерчинское соглашение, — отмечал один из британских специалистов по международному праву, — по форме являлось не «договором», а вообще мандатом китайского императора, который всех королей в мире считал своими подданными или вассалами» [9]. Причем Кяхтинский договор

не пересматривал условий Нерчинского, которые действовали вплоть до середины XIX в.

В ответ на дипломатическую активность России Цинская империя направила в русские пределы лишь четыре миссии, одну в XVII в. и три в XVIII в. Причем лишь две из этих миссий посетили столичные центры России [10]. Налицо был явный дисбаланс политических усилий сторон.

Важно отметить тот факт, что уже на стадии этой модели научное востоковедение дало достаточно полную картину азиатского мира, раскрыло своеобразие китайской цивилизации, специалисты начали менять свои оценки. С предельной четкостью поставил проблему Н. Я. Бичурин, отметив: «В наше время непрерывных нововведений в жизни народов как в Европе, так и на западе Азии, на востоке Азии существует государство, которое по своей противоположности во всем с прочими государствами, составляет редкое, загадочное явление в политическом мире. Это — Китай, в котором видим все то же, что есть у нас, и в тоже время видим, что все это не так как у нас» [11, с. 1].

Известный правовед Ф. Ф. Мартенс перевел вопрос в плоскость международного права и пришел к выводу, что «текст или слова трактатов обыкновенно понимались совершенно одинаково как Россией, так и Китаем, исключая случаев ошибок в переводе. Но дух этих международных актов был понимаем различно двумя правительствами по той простой причине, что их нравственные и юридические понятия о международных отношениях были существенно противоположны» [12, с. 34]. Так было раскрыто влияние межцивилизационных различий на политические отношения двух государств.

Вторая модель — модель равносторонних связей двух империй — падает на вторую половину XIX века и простирается до 1917 г. Это период заката феодализма в обеих странах, становления капиталистических отношений. Это эпоха крушения Цинской и Российской империй, реформ и революций, политического и экономического кризиса и в России, и в Китае, превращения Китая в полуколонию западных держав. Хотя Россия выступает на стороне Запада, ее политика существенно отличалась от политических курсов колониальных держав. Оба государства стремятся к равносторонним отношениям. В этот период между ними заключено наибольшее число договоров и других международноправовых актов.

Фактически равенство в отношениях было признано с Цинской стороны (и то относительно

но) лишь после поражения империи в борьбе с западными державами — Англией, Францией, США. Эти державы путем колониальных войн начали вовлекать Китай в мировые политические и хозяйственные связи. В России многими политическими деятелями того времени оба государства рассматривались как естественные союзники в противостоянии натиску капиталистических держав Запада.

Сближение между Россией и Китаем предопределило мирное решение оставшихся вопросов размежевания ничейных территорий и установление договорного режима на смежных границах. В 1858 г., в этой связи, были заключены Айгуньский договор, установивший русско-китайскую границу по реке Амур, а в 1860 г. Пекинский Дополнительный договор, в котором определен последний участок дальневосточной русско-китайской границы — от устья реки Уссури до моря (в двадцати китайских ли выше впадения реки Тумынцзян в море). На основе Пекинского договора в 1864 г. был заключен Чугучакский протокол, установивший русско-китайскую границу в Центральной и Средней Азии. Окончательное оформление границы на западном участке было произведено С. Петербургским договором 1881 г.

Особый характер отношений между Россией и Китаем находил отражение во внешней политике. В трудный для цинского Китая период, когда он был не в состоянии сдержать наступление интервенционистских войск Англии и Франции в ходе второй «опиумной войны», цинское правительство обратилось с просьбой к России выступить посредником в мирных переговорах с Англией и Францией. Россия выступила на стороне Китая. 35 лет спустя, когда японское правительство предъявило Китаю, потерпевшему поражение в войне с Японией (1894–1895 гг.), тягостные условия, выступление России против чрезмерных притязаний Японии принудило японское правительство отказаться от притязаний на отчуждение территории Южной Маньчжурии. В отношениях между двумя странами сложилась благоприятная ситуация, и в 1896 г. был подписан русско-китайский Союзный договор. Огромную роль в размывании этно-культурного барьера в конце XIX — начале XX столетий сыграли взаимные волны эмиграции. Сотни тысяч китайцев в России и не меньшее количество русских в Китае привели в действие механизм установления близких отношений именно между народами двух стран. Познание друг друга скреплялось совместным трудом и общей бед-

ностью, ностальгией по Отечеству и стремлением принести в него все лучшее, что черпалось в соседней стране.

Превращение Китая во второй половине XIX в. в полуфеодальную, полуколониальную страну уменьшило влияние этно-культурных факторов на его внешнюю политику. В этот период формационные факторы развития начинают действовать энергичнее, чем цивилизационные. Думается, что цивилизационный и формационный подходы в анализе истории международных отношений не должны противопоставляться, они дополняют друг друга, делая исследование более многомерным.

Третья модель (1917–1949 гг.) — модель существования двух разнотипных государств в экстремальных условиях — охватывает период революционных преобразований в России и активного революционного процесса в Китае, гражданских войн и второй мировой войны, период, когда оба государства развивались, противодействуя агрессивному вторжению извне. Советский Союз последовательно поддерживал борьбу китайского народа за объединение и независимость страны [13].

Четвертая модель (1949–1960 гг.) — победа революции и создание КНР привели в действие модель дружественного, союзнического взаимодействия двух односистемных государств. Период активного экономического и культурного сотрудничества двух народов, их партнерства в урегулировании международных конфликтов и локальных вооруженных противостояний, названных «холодной войной».

Пятая модель (1960–1991 гг.) — модель конфронтационных отношений двух односистемных государств в условиях «холодной войны». Период, характеризующийся жестким идеологическим и политическим противостоянием вплоть до вооруженных столкновений, и постепенной нормализацией отношений (1989) в результате перехода к реформам в СССР и в КНР.

Шестая модель (1991 — настоящее время) — модель добрососедских отношений двух государств переходного периода. Ее становление связано с расчленением СССР и созданием СНГ. Для правопреемницы СССР — Российской Федерации — характерно стремление к взаимовыгодному сотрудничеству с Китаем. Оба государства проявляют политическую волю к превращению конструктивных партнерских отношений в стратегическое партнерство в XXI веке. При этом, китайские официальные лица подчеркивают, что именно сегодняшние отношения являются наи-

лучшими за всю историю взаимодействия двух стран. Этот тезис, базируется, очевидно, на том факте, что впервые в истории российско-китайских отношений Китай значительно превзошел Россию по комплексной государственной мощи.

В целом накопленный почти за четыре столетия опыт взаимоотношений России с Китаем является бесценным достоянием двух народов. В этом опыте позитивный заряд гораздо больше, чем негативные моменты. Китайское выражение «сань ци кай» — «отделять три от семи» — вполне применимо к измерению опыта истории русско-китайских отношений: 70 % положительного содержания должны быть отделены от 30 % негативных явлений. К негативным явлениям относятся слова Дэн Сяопина: «закрывать прошлое — смотреть в будущее». Смотреть в будущее, в XXI век, значит, передать все положительное следующим поколениям.

С точки зрения геополитики, для России в ходе реализации **шестой модели** отношений стратегическое партнерство с Китаем несет в себе две функциональные задачи: во-первых, предостеречь третья страны от активной, наступательной в отношении России политики, посягающей на ее национальные интересы, во-вторых, снизить вероятность обострения отношений РФ с КНР и тем самым обеспечит необратимость курса на добрососедство и стратегическое взаимодействие. Это и создаст условия для перехода к седьмой модели.

Седьмая модель (перспективная модель XXI века) — эта модель должна обеспечить конструктивное партнерство и стратегическое взаимодействие двух держав в XXI столетии.

За прошедшие годы российско-китайские отношения стремительно развивались и приобрели характер стратегического взаимодействия двух стран. Этот характер отношений двух великих соседних государств был юридически оформлен подписанным 16 июля 2001 года Президентом РФ В. В. Путиным и тогдашним Председателем КНР Цзян Цзэминем Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Сегодня мы можем с полной уверенностью сказать, что этот **договор имеет важное историческое значение** не только для отношений России с её великим дальневосточным соседом Китаем, но и для международных отношений наступившего XXI столетия в целом.

На чём же основывается такая характеристика этого «Договора века», как назвал его, выступая в Москве тов. Цзян Цзэминь?

Во-первых, Московский договор восстановил международно-правовую, договорную основу российско-китайских отношений, которая существовала на протяжении трёх с лишним веков.

Во-вторых, это восстановление произошло на качественно новой основе, в соответствии с принципами добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между двумя государствами в XXI веке. В этом плане Московский договор не только подвел итог предыдущему десятилетию конструктивного развития добрососедских отношений России с Китаем, но и открыл новые пути их дальнейшего совершенствования и развития на длительную перспективу.

В-третьих, российско-китайские отношения давно уже во многом определяют общий климат международной жизни. И в данном случае Договор заложил основы региональной стабильности в Восточной Азии. Ряд его положений вполне могут быть использованы международным сообществом и при подготовке коллективного акта о безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этом огромное международное значение Московского договора.

И, наконец, это первый договорный акт такого масштаба в наступившем столетии. Подписав его, Россия и Китай внесли существенный вклад в построение складывающейся в наши дни новой системы международных отношений.

Договор носит системный, комплексный характер, он относится к той категории договоров, которые в прошлом назывались трактатами.

Московским договором определено, что Россия и Китай строят свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Стороны отказываются в своих взаимоотношениях от применения силы или угрозы силой, от иных методов давления и подтверждают обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, а также не нацеливать стратегические ядерные ракеты.

Уважая выбор социально-политического, экономического и культурного развития каждой из сторон, Россия и Китай обеспечивают долговременное и стабильное развитие отношений между двумя государствами. Таким образом, стороны освободили весь комплекс своих вза-

имосвязей от излишней идеологизированности, приведшей в прошлом к драматическим осложнениям. Ныне, основываясь на коренных национальных интересах, Россия и Китай поддерживают друг друга в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности каждой из Сторон.

Исключительно важной является 6-я статья Договора, согласно которой Стороны, «с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия». Вот так на деле реализуется в жизнь тезис тов. Дэн Сяопина, прозвучавший еще при нормализации отношений двух стран: «закрыть прошлое, открыть будущее».

В годы, предшествовавшие заключению Договора, в зарубежной печати, да и в некоторых наших средствах массовой информации было немало спекуляций по поводу военно-технического сотрудничества двух наших стран. Соответствующие статьи Договора кладут конец всякого рода измышлениям в этой области. В Договоре совершенно четко определено, что Россия и Китай расширяют и углубляют меры доверия в военной области с целью укрепления безопасности каждой из стран, упрочения региональной и международной стабильности. Военное и военно-техническое сотрудничество двух наших стран не направлено против третьих государств.

Россия и Китай понимают, что самонадеянность силы в международных делах может привести к непоправимым последствиям, поэтому они «выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств, намерены прилагать активные усилия для укрепления международного мира, стабильности, развития и сотрудничества» (ст. 11).

Исходя из этой принципиальной позиции, оба наших государства взяли на себя обязательства предпринять усилия «по укреплению центральной роли ООН как наиболее авторитетной и наиболее универсальной международной организации, образованной суверенными государствами, в решении международных дел, особенно... по обеспечению главной ответственности Совета Безопасности ООН в области поддержания международного мира и безопасности»

(ст. 13). Эти обязательства приобретают особое значение после того, как силы англоамериканской коалиции нанесли удар по Ираку, не посчитавшись с мнением Совета Безопасности ООН, в том числе трех его постоянных членов России, Китая и Франции.

Большое внимание в договоре уделено развитию на основе взаимной выгоды сотрудничества в торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, энергетической, транспортной областях, в ядерной энергетике, в финансовой, космической, авиационной областях, в сфере информационных технологий и других сферах, представляющих взаимный интерес. Стороны будут способствовать развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права.

Сегодня, рассматривая события сравнительно недолгих лет, истекших со дня подписания Московского договора, следует подчеркнуть, что и Россия, и Китай прилагают большие усилия для того, чтобы замечательные положения этого документа успешно реализовывались на практике. Этому способствовала, во-первых, высокая интенсивность встреч и доверительные отношения лидеров двух государств Президента РФ В. В. Путина и Председателя КНР Цзян Цзэминя. После XVII Съезда КПК такой же характер приобрели отношения между В. В. Путиным и тов. Ху Цзиньтао, после XVIII Съезда КПК с тов. Си Цзиньпином.

Показателем стремления сторон к качественному обновлению экономических и научно-технических связей явилась грандиозная Международная научно-техническая выставка «Технология из России — 2002», прошедшая в Шэньяне 22–25 апреля 2002 года при поддержке Правительства РФ и Госсовета КНР. Непосредственными организаторами выставки с российской стороны явились Российский союз промышленников и предпринимателей и Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития. Сторонами активно обсуждаются такие крупнейшие экономические проекты XXI века как развитие Западного Китая, создание международных транспортных коридоров Восток — Запад и Север — Юг, строительство трубопроводов для передачи углеводородного сырья из России в Китай.

Реализация связей в области культуры, образования, здравоохранения и спорта теперь возложена на специально созданную и уже активно действующую Комиссию по гуманитарному

сотрудничеству. Во всех областях двусторонних отношений произошли существенные сдвиги к лучшему.

Обращаясь к событиям последних лет, нельзя не остановиться на событиях 11 сентября 2001 года в США, которые заметно повлияли на ход международных дел. Как эта новая ситуация соотносится с Договором между Россией и Китаем? Следует прямо сказать, что лидеры двух наших стран проявили политическую дальновидность, большую государственную мудрость, предприняв своевременное подписание Договора.

В ст. 20-й Московского договора подчеркивается, что «Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и международными обязательствами каждой из них активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью». Хочу заметить, что безусловно, борьба с международным терроризмом должна вестись самым решительным образом. Но, как свидетельствует исторический опыт, «охота на ведьм» не может быть основой религии. Так же и «охота на международных террористов» не может быть основой современных международных отношений. Для нормального взаимодействия государств на международной арене основа их деятельности должна быть здоровой, позитивной и конструктивной.

Именно такую основу заложил Договор между Россией и Китаем от 16 июля 2001 года. Сегодня мы можем сказать — наш Договор с Китаем о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве выдержал испытание на прочность.

Итак, важной задачей для всех органов государственной власти и общественных орга-

низаций двух стран становится эффективная реализация положений Московского договора. Российские государственные и общественные организации активно выполняют программы осуществления информационных, культурных, научно-технических, гуманитарных связей с Китаем, стремятся найти новые подходы к развитию в России движения за дружбу с её великим дальневосточным соседом. Во главу угла своей деятельности они ставят содействие укреплению традиционной дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между народами России и Китая, содействие развитию разносторонних связей, делового сотрудничества, ознакомлению общественности обеих стран с достижениями в различных областях экономики, с историей, культурой и современной жизнью народов двух стран.

Как подчеркнул в своей беседе с журналистами перед поездкой в Москву сегодняшней лидер Китая Си Цзиньпин: «Я направляюсь в дружественную страну». Си Цзиньпином предложена обширная программа развития КНР в XXI столетии, включающая в себя концепцию «Экономического пояса Шелкового пути» [14] и Государственную программу инновационного развития. О том значении, какое китайское руководство придает информатизации и кибернетической безопасности Китая, свидетельствует тот факт, что Си Цзиньпин лично возглавил соответствующую руководящую группу [15, с. 11]. Все предложенные нынешним руководством программы нацелены на то, чтобы поэтапно сделать КНР глобальной научно-технической, экономической, военной супердержавой. Государства ЕС — экономические партнеры Китая — учитывая это, принимают у себя соответствующие программы [15, с. 18–20]. Очевидно и наша **седьмая модель** должна быть оснащена необходимыми государственными проектами.

Список использованной литературы

1. Переломов Л. С. Конфуций «Лунь юй» / Л. С. Переломов ; исслед., пер. с кит., коммент Л. С. Переломова. — М. : Вост. лит., 1998. — 588 с.
2. Воскресенский А. Д. Китайские хроники о пребывании И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского в Гуанчжоу / А. Д. Воскресенский // И не распалась связь времен... : к 100-летию со дня рождения П. Е. Сkachкова. — М. : Вост. лит., 1993.
3. Банно Масатака. Киндай Тюгоку гайкоси кэнкю (Исследование истории дипломатии Китая в новое время) / Банно Масатака. — Токио, 1970.
4. Мясников В. С. Историко-культурные особенности экономического взаимодействия России с Китаем / В. С. Мясников // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность : материалы конф. — М., 1993. — С. 106–123.
5. The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations / Ed. by J. K. Fairbank. — Cambridge : Harvard University Press, 1968. — 430 p.

6. China among Equals. The Middle Kingdom and its Neighbors, 10th–14th Centuries / Ed. by M. Rossabi. — Berkeley : University of California Press, 1983.
7. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке / В. С. Мясников. — Изд. 2-е. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1987. — 516 с.
8. Русско-китайские отношения в XVIII в. Документы и материалы. Т. 2. 1725–1727. — М. : Наука, 1990.
9. S.Y.A. The Treaty of Nerchinsk / S.Y.A. // Law Quaterly Review. — 1928. — № 44.
10. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Том V. 1729–1733 / сост. И. Т. Мороз, В. С. Мясников ; отв. ред. С. Л. Тихвинский ; ред. тома В. С. Мясников. — М. : Памятники исторической мысли, 2016. — 910 с.
11. Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии : соч. монаха Иакинфа в 4 ч. / Н. Я. Бичурин. — СПб., 1848.
12. Мартенс Ф. Ф. Россия и Китай / Ф. Ф. Мартенс. — СПб., 1881. — 704 с.
13. Мировицкая Р. А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945 / Р. А. Мировицкая // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке : тез. докл. XII Междунар. конф. — М., 2001. — Ч. 3. — С. 17–20.
14. Новый Шелковый путь и его значение для России / сост. А. Г. Ларин ; отв. ред. В. Е. Петровский. — М. : ДеЛи плюс, 2016. — 232 с.
15. Бергер Я. М. Научно-технологическая составляющая совокупной национальной мощи Китая / Я. М. Бергер // Проблемы Дальнего Востока. — 2016. — № 6. — С. 4–23.

References

1. Perelomov L. S. *Konfucii «Lun' yui»* [Confucius “Lun Yu” research, translation from Chinese, commenting by L. P. Perelomov]. Moscow, Vost. lit. Publ, 1998. 588 p.
2. Voskresenskii A. D. Chinese chronicles about the stay of I. F. Krusenstern and Yu. F. Lisianski in Guangzhou. *I ne raspalas' svyaz' vremen... : k 100-letiyu so dnya rozhdeniya P. E. Skachkova* [And the connection of times has not disintegrated ...: to the 100th anniversary of the birth of P. E. Skachkov]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1993.
3. Banno Masataka. *Kindai Chugoku kikosi, kenky* [A study of the history of China's diplomacy in modern times]. Tokyo, 1970.
4. Myasnikov V. S. Historical and cultural features of economic interaction between Russia and China. *Rossiya vo vneshneekonomicheskikh otnosheniyah: uroki istorii i sovremennost'. Materialy konferentsii* [Russia in foreign economic relations: history lessons and modernity. Conference Materials]. Moscow, 1993, pp. 106–123.
5. The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations. Ed. by J. K. Fairbank. Cambridge, Harvard University Press, 1968. 430 p.
6. China among Equals. The Middle Kingdom and its Neighbors, 10th–14th Centuries / Ed. by M. Rossabi. Berkeley, University of California Press, 1983.
7. Myasnikov V. S. *Imperiya Cin i Russkoe gosudarstvo v XVII veke* [Qing Dynasty and Russian State in the 17th century]. 2nd ed. Khabarovsk, Book publishing house, 1987, 516 p.
8. *Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII v. Dokumenty i materialy* [Russian-Chinese relations in the 18th century. Documents and materials]. Vol. 2. 1725–1727. Moscow, Nauka Publ., 1990.
9. S.Y.A. The Treaty of Nerchinsk. Law Quaterly Review, 1928, no. 44.
10. *Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII v. Dokumenty i materialy* [Russian-Chinese relations in the 18th century. Documents and materials]. Vol. V. 1729–1733. In I. T., Moroz, V. S. Myasnikov, S. L. Tikhvinsky (eds.). Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2016, 910 p.
11. Bichurin N. Ya. *Kitai v grazhdanskom i nrvstvennom sostoyanii: soch. monaha lakinfa v 4 ch.* [China in a civil and moral condition: the writing of the monk lakinf in 4 volumes]. Saint Petersburg, 1848.
12. Martens F. F. *Rossiya i Kitai* [Russia and China]. Saint Petersburg, 1881, 704 p.
13. Mirovitskaya R. A. Chinese statehood and Soviet politics in China. Years of the Pacific War: 1941–1945. *Kitaj, Rossiya, strany ATR i perspektivy mezhcivilizacionnyh otnoshenij v XXI veke. Tezisy dokladov XII Mezhdunarodnoi konferentsii* [China, Russia, the APR countries and the prospects for intercivilizational relations in the 21st century. Abstracts of the XII International Conference]. Moscow, 2001, vol 3, pp. 17–20.
14. *Novyi Shelkovyi put' i ego znachenie dlya Rossii* [The new Silk Road and its significance for Russia]. In V. E. Petrovsky, A. G. Larin (eds). Moscow, DeLi plus Publ., 2016. 232 p.

15. Berger Ya. M. The scientific and technological component of China's aggregate national power. *Problemy Dal'nego Vostoka = Problems of the Far East*, 2016, no. 6, pp. 4–23. (In Russian).

Информация об авторе

Мясников Владимир Степанович — академик РАН, доктор исторических наук, профессор. Советник РАН, член дирекции Института востоковедения РАН, заместитель академика-секретаря Бюро Отделения истории РАН, председатель редколлегии научной серии «Научное наследие» РАН. Заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы.

有关作者的信息

Myasnikov V. S. — 院士，历史学博士，教授，俄罗斯科学院的顾问，俄罗斯科学院东方研究所成员，俄罗斯科学院历史署秘书局-副院长，俄罗斯科学院“科学遗产”编辑委员会科学系列的主席，俄罗斯中国友谊的副主席。莫斯科市，电子信箱

Author

Vladimir S. Myasnikov — Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor. Counselor of the Russian Academy of Sciences, member of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Directorate, Deputy Academician-Secretary of the Department of History of the Russian Academy of Sciences Bureau, chairman of the editorial board of the scientific series «The Scientific Heritage» of the Russian Academy of Sciences. Deputy Chairman of the Society of Russian-Chinese Friendship.

Для цитирования

Мясников В. С. Россия и Китай: историческое прошлое, современность и перспективы отношений (Семь особенностей и семь моделей отношений России с Китаем) / В. С. Мясников // Российско-китайские исследования. — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 10–21.

For citation

Myasnikov V. S. Russia and China: the historical past, the present and prospects of relations (Seven features and seven models of Russia's relations with China). *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 10–21. (In Russian).